

Юрий Иванович Селивёрстов владел тайной. Был человеком просвещённым — и в русскую душу, и в тайны ее, и в красоту. И хотя сегодня выходят уже целые собрания сочинений русских мыслителей, всё это стало доступно, но книга «Из русской думы» — это самое драгоценное ожерелье, без которого не разглядеть каждого большого мыслителя.

На снимке В. Распутин на улице имени Ю. Селивёрстова. Фото из архива Усольского городского краеведческого музея.

Мы с Юрием земляки, оба из Иркутска, но он уехал рано, и наша дружба продолжалась здесь, в Москве. Он жил неподалеку от И.С. Глазунова, и мне однажды приходилось бывать и в том, и в другом доме. Мне не хочется делать каких-либо сравнений, поскольку Илья Сергеевич — человек, сделавший для русского искусства и для русского дела очень и очень много. Но я вспоминаю, что когда бывал у Селивёрстова, там никогда не говорилось о себе, не было пустых разговоров ни о чем, но всегда говорилось о России. И тем лучше познавался этот человек, хозяин дома. И в том, и в другом доме всегда было множество народа, но у Юрия Ивановича — народ попроще, не было иностранцев, а нам-то первую очередь хотелось знакомиться с русскими людьми.

В то время, в шестидесятые-семидесятые годы, наша литература нисколько не делилась на литературу интеллигентную, городскую, деревенскую или военную, как это часто стараются представить, а это была литература возвращения домой. Возвращения из России в Россию, из России географической в Россию историческую, и России пространственной в Россию центровую. Ибо существовала не только берлинская стена, разделившая немцев, но была и стена, которая разделила Россию по 1917 году. Нас оторвали от своей истории, от своих глубин. От тех лю-

дей, которые представлены в книге «...Из русской думы». И вот тут надо отдать должное не тем, кто сегодня творит всякие мерзости, а нам все-таки, потому что мы к этому стремились. И многие годы мы всё делали для того, чтобы это возвращение домой состоялось. Оно состоялось, и сейчас трудно представить себе, как мы без него обходились.

Одним из тех, кто добивался этого возвращения домой, кто сделал для этого так много, был Юрий Иванович Селивёрстов.

Он не был одноэтажным человеком. Кажется, Толстой говорил о Белинском, что он одноэтажный человек, а Гоголь — многоэтажный. Я не ради сравнения, ибо и в один этаж можно набрать многие богатства. Но Юрий Иванович не был даже двухэтажным человеком. Для меня это был человек многоэтажный, посвященный в тайну своей Родины, в ее красоту, и способный говорить об этом бесконечно. Он мог переходить с одного на другое, а для меня разговаривать с ним было легко: я человек молчаливый, и мне было интересно слушать и брать что-то от него. Он был из людей действительно взрывчатых, мог одновременно делать множество дел, при этом никогда не перескакивал с одного на другое, но делал всё ладом, как настоящий русский человек. Последнее время ведь из русского человека делают кого угодно. Только не русского человека. Он у нас и Молчалин. Он у нас и Хлестаков, он у нас и Обломов. Причем в самых худших их качествах. Но ведь как раз не Хлестаковы, не Молчалины и не Чичиковы создавали Россию, а Миныны и Суворовы, и не анархический дух был главным в русском человеке. А дух всемогущей великой государственности. Этим чувством в полной мере обладал и Юрий Иванович Селивёрстов. Он был человеком невероятно деятельным, ему постоянно мало было того, что он делает, он хотел делать ещё и ещё.

О том, что случилось с ним, когда я впервые узнал, как он скончался, у меня такое чувство, что он «оборвался», причем «оборвался вверх», потому что уже больше не мог. Не выдержал находиться на этой земле, настолько он загнал себя и настолько он был устремлен вверх, и, может быть, это прозвучит несколько красиво, но мне показалось, что состоялось некоторое вознесение вверх.